

T. Умугт
Час Крэмка

From Moon with love

The Day the earth smiled
A u J

Т. Шмидт

Час Кролика

«Автор»

2026

Шмидт Т.

Час Кролика / Т. Шмидт — «Автор», 2026

Пусть здесь будет роскошная аннотация которую я пока еще не придумала но мы вообразим что это так ахаххахаха да вот такая вот я хитренькая

© Шмидт Т., 2026

© Автор, 2026

Т. Шмидт Час Кролика

2125 год. Луна. 25 лет с момента начала программы «Панацея».

Луна – пустышка, звонкий стеклянный шар, подвешенный на ёлке солнечной системы. Её поверхность – тонкая сахарная корочка, тоньше нескольких сот метров. Ударь, и она треснет, обнажив механизмы внутри. Космодромы, дома, людей, похожих отсюда на крошечных муравьёв, корабли и порты.

Док подняла голову, вглядываясь в дрожащую рефракцию звёздного света над поверхностью Луны. Маленький огонёк – зажжённая спичка на фоне космического костра – опускался в раскрытые челюсти космодрома. Над вытянутым носом огонькового корабля нависла чудовищная пасть планетарного шлюза, казалось, что Луна – венерина мухоловка – поджидала его, как маленькую мушку, собираясь проглотить, не жуя.

Док поправила одежду, покрепче запахнула китель. В смотровом шаре, выступающем над поверхностью Луны, точно мыльный пузырь, конденсаторы кислорода гнали холодный, иссушенный кварцами воздух, и на толстом панцире стекла оставался незаметный голубоватый налёт. Сквозь него космос становился нежным, туманным, заманчиво-бирюзовым, как небо в начале осени. Док провела пальцами по стеклу, собрав кончиками сверкающие кристаллики. В образовавшейся полосе, как в замочной скважине, космос проклюнулся своим мрачным, звериным обличем.

– Доктор Краузе, – виртуальный помощник, искин, спроецировался позади неё, – корабль прибыл. Вас ожидают на космодроме.

Док кивнула, растёрла между пальцами голубую пыль. Та осыпалась на пол и медленно растворилась у её ног.

– Спасибо, Морфей. Я скоро буду.

Искин исчез так же незаметно, как и появился. Док помедлила – за толстым защитным стеклом пролетело несколько спутников, мерцающая вдалеке красными огоньками, как бы приветствуя всех не спящих в эту долгую ночь. Док зачем-то неуверенно помахала им в ответ.

На этой стороне Луны, где всегда темно и Солнце не режет глаза ослепительно-белым светом, искусственный воздух приносил мнимое ощущение безопасности. Как будто спрятанная за терминатором, там, где ни один обезумевший фотон не смог бы добраться до неё, Док могла притвориться, что больное, извергающее протуберанцы Солнце, кашляющее лопающимися, как гнойные нарывы, на его поверхности факелами не могло бы причинить никому вред. До недавнего времени претившая ей безжизненная лунная поверхность, эта тонкая мёртвая оболочка, сейчас казалась куда надёжнее всех защитных озоновых экранов родной Земли.

Она в последний раз бросила взгляд на серебящуюся в искусственном свете лунную почву и наконец с тяжёлым сердцем покинула смотровой шар.

Мир существовал вверх дном. Точнее, существовал он от центра к периферии, от точки до поверхности сферы, существовал с обратной стороны Луны, где изнанка – вогнутость ложки – становилась полом, а центр – потолком, до которого километро-часы вдоль по радиусу окружности.

На космодроме, точно привинченном к Луне изнутри, было шумно. Я протиснулась между рабочими, встречающими экипаж, позволила искину снять биометрию и наконец поднялась на платформу – полы пальто подхватил турбулентный поток затихающих турбин, в лицо ударил жар разгорячённых двигателей. «Фантазмагория» возвышалась над платформой, испо-

линских размеров стела, сияющая проблесковыми огнями и люминесцирующими панелями, почти такая же величественная, как и полгода назад, когда я в последний раз видела её на Земле.

Звездоходцы показались в открывшемся шлюзе. Высыпали из него, гремя магнитными башмаками, мужчины и женщины с загорелыми лицами. Пришлось вытянуть шею, чтобы разглядеть идущих последними пилота и штурмана в цветной толпе встречающих.

– Док!

Джеймс сжал меня в поистине медвежьих объятиях. У звездоходцев это такая традиция – сожми друга покрепче и посмотри, не выпрыгнет ли из него какая-нибудь инопланетная диковинка. Из меня же едва не выпрыгнули искусственные лёгкие и парочка пластиковых костей. Я сдавленно похлопала его по спине.

– Ну всё, всё. Я тоже рада тебя видеть.

Джеймс отстранился. На его бронзовом от космического излучения лице сияла довольная улыбка. Косматые, всегда торчащие в разные стороны рыжие волосы были неловко приглажены, серые, почти мельхиоровые глаза возбуждённо блеснули. Он хохотнул, хорошенько прихлопнув меня по плечам.

– Сколько лет, сколько зим! Ты как будто ещё меньше, чем раньше. Тяжело привыкаешь к лунянскому быту?

– Правильно говорить «селенитскому». – Ампера, появившаяся следом, тоже привлекла меня к себе.

Такая же загорелая, в таком же облегчённом скафандре, как у Джеймса, она зубасто, очень заразительно улыбнулась, и, несмотря на возвышенный вид, её объятия оказались ничуть не легче объятий Джеймса. Я крикнула, сдавленная её только на вид тонкими руками. Но, надо отдать ей должное, она хотя бы не попыталась оторвать меня от зыбкой подлунной поверхности. Я неловко отряхнула пальто от невидимой пыли, восстанавливая дистанцию.

– Как там Уран?

– Уран! – Джеймс недовольно всплеснул руками и едва не потерял зажатый под мышкой шлем. – Никакого Урана и не было. Гравитация, черт бы её побрал! Ты читала депеши?

– Читала, – согласилась я, заметив, как скривилась Ампера, – но я думала, экспедицию свернули из-за неисправности корабля, разве нет?

– Всё так, – ответила Ампера. – Нас чуть не стёрло в порошок за поясом астероидов. Там какая-то мощная гравитационная аномалия. Мы пытались пройти, но сдерживающая сила была такой, что мы потеряли два из трёх двигателей. Пришлось развернуться и идти назад.

– «Призрак» и «Летающий» тоже не смогли пройти, – добавил Джеймс, – мы получили сообщения ещё от трёх кораблей – они даже не сдвинулись дальше космической станции.

Ампера поджала губы. Ветер, гонимый охлаждающими турбинами, трепал пряди у их измождённых лиц – впервые я видела их такими подавленными. Как будто кто-то выпил из них часть жизненной силы, просто потому что не позволил выйти дальше земной триады.

– Некоторые из них вышли из строя, ещё несколько потеряли связь со своими искинами, – добавила Ампера. – В общем, безумие какое-то. Всё вверх дном.

– Но не будем о грустном, – решительно заявил Джеймс, и на его лице снова появилась улыбка. – Ты тут какими судьбами? Так не бывает – док и не на Земле.

– По долгу службы, – немного обречённо пробормотала я. – Вам ведь уже сообщили всё, верно?

– Ну как сообщили, – неуверенно протянула Ампера. – Сказали, очень срочное и важное дело, снимайтесь со всех рейсов и не покидайте Луну без приказа. Больше никакой конкретики не было.

– Будет экспедиция, – внесла немного ясности я. – Деталей я не скажу, мне ещё дорог мой язык.

Я тяжело вздохнула, заметив их явно озадаченные взгляды.

– Через три дня будет совет. Потом закрытая конференция. За подробности экспедиции ответственна не я.

Джеймс заинтересованно вскинул брови.

– А кто?

– Доктор Симаков.

Возможно, читателя это запутает, однако своим долгом я считаю дать некоторые разъяснения. Док – это так, прозвище, дружеский позывной. Хотя иногда мне кажется, что скоро моё собственное имя сотрётся у меня из памяти, и вместо всех документов в графу «имя» впишется это короткое, фамильярно-ироничное «Док!», звучащее голосами моих друзей.

При первой нашей встрече – ещё когда Джеймс только приехал в Петербург, а Ампера получила первое распределение на один из космолётов, я была так ошеломлена встречей с этими молодыми звездоходцами, что на вопрос Джеймса, произнесённый на ломаном русском, сумела выдавить из себя только начало, неуверенное «док», а затем закашлялась. Все прочее осталось за смехом Амперы и недоумением Джеймса, который весьма справедливо рассудил, что русские имена могут быть такими причудливыми. Так что для них никогда не существовало доктора наук Юлии Краузе, члена РАН, а только неловкая учёная с забавным прозвищем, потерявшая дар речи при виде двух настоящих звездоходцев.

Мы поднялись в крайнюю башню исследовательского центра – такое смешное сооружение, похожее на виноградную гроздь, стоящую вверх тормашками, где каждое пространство отделено друг от друга стеклянными тоннелями.

В одном из таких помещений, расположенных над конференц-залом, нас встретил доктор Симаков.

– Доктор Краузе.

– Максим Николаевич.

Я крепко пожала его твёрдую, почти как настоящую, бионическую ладонь. Опять же, удивительные вещи творит наука. Самого доктора Симакова здесь, конечно, не было – да и откуда ему было бы здесь взяться? От Луны до Новосибирска экспрессы не ходят, а чтобы попасть на местный космодром, нужно потратить почти неделю, болтаясь в консервной банке космического «лифта», уходящего с Байконура. Поэтому его нечёткий, как бы плавающий силуэт, собранный ферромагнитами – боже, храни Генриха Альтшуллера, – делал его одновременно находящимся здесь и не здесь. Эдакий учёный Шрёдингера.

Джеймс и Ампера обменялись с ним короткими рукопожатиями. Эта часть исследовательского модуля была, должно быть, самым красивым местом внутри всего мрачного полого пространства планеты. Здесь сферические окна-площадки частично соприкасались с линией светораздела, поблёскивали в лучах задержавшегося рассвета – заря в этом месте как будто бы застыла, навечно скованная беспощадностью приливного захвата – и отсюда же, в периоды наилучшей видимости, открывался потрясающий вид на Землю. Я вновь непроизвольно задержалась у выхода к панорамной площадке, желая хотя бы одним глазком ухватиться за картину родной планеты и...

– Доктор Краузе?

Доктор Симаков окликнул меня, выглянув из прохода.

– Всё в порядке?

Я несколько неловко отступила от шлюза, криво пытаясь изобразить безразличие к виду родной планеты.

– Да. Разумеется.

Комната, точнее, кабинет-переговорная, как и все здесь, походила на здоровенный шар – очевидно, у проектировщиков внутреннего убранства луны с воображением было не очень – такой, знаете, шар из изомальта с тонкой плёнкой защитного стекла. Если запрокинуть голову, то можно рассмотреть, как над ним пролетают крошечные «бпла»-шки, несущие грузы, ходят люди по тонким полоскам подсвеченных дорог, даже может повезти увидеть стайку местных голубокрылых голубей. Их специально вывели, чтобы Луна не производила на обитателей эффекта лиминального пространства.

Многие из тех, кто живут на земле, часто спрашивают: почему все рабочие станции, предприятия, жилые комплексы, сады и парки спрятаны внутри, как будто закрыты в сундуке, от глаз любопытных инопланетян и землян? Это такая хитрая стратегия на случай появления недружелюбных соседей? Конечно, весьма печально, что некоторые земляне всё ещё задают такие глупые вопросы с мышлением человека двадцатого века, боящегося зловредной внеземной цивилизации, ведь ответ, простите за каламбур, лежит на поверхности. Где проще удерживать летучий, непослушный газ, обеспечивающий жизнь на целой планете – на поверхности с нестабильной, слабой гравитацией, или внутри герметичного, надёжно запаянного колпака? А ведь, между прочим, система шлюзов луны – это наша, отечественная разработка. Стыдно такое не знать.

– Итак, без лишних предисловий, – начал доктор Симаков, усаживаясь в кресло и несколько нервно поправляя свой ферромагнитный галстук, – дело серьёзное. Я бы даже сказал, астрономической важности.

Ампера, ну дитя, честное слово, покрутилась в кресле с гравитационной подушкой, кажется, ужасно довольная ощущением твёрдой земли под ногами – и вообще тем, что гравитация хоть как-то работает, – но всё же получила осуждающий взгляд от доктора и уж слишком сосредоточенного Джеймса. Ну хоть кто-то воспринимает положение дел всерьёз. Я заняла место чуть поодаль. Ситуация мне была известна. Именно из-за неё меня и вытащили с прекрасной обетованной Земли на эту холодную, искусственную Луну, заставив попрощаться с домом на неопределённый срок и вынудив торчать здесь.

– Не буду ходить вокруг да около, скажу так – вы прекрасно знаете, что состояние Солнечной системы, мягко говоря, нестабильно. За последние двадцать пять лет количество вспышек на Солнце увеличилось в шесть раз, термоядерные реакции ускорены почти в десять, а поверхность с каждым годом открывается все большим количеством чёрных пятен, и нет никакого объяснения такому поведению. И это только часть, если не упоминать дисбаланс гравитационных сил внутри системы и скорость солнечного ветра, – он сложил руки в замок, оперевшись на стол. – Когда всё только началось, доктор Краузе и доктор Савкин возглавили программу по поиску «лекарства» для Солнца. Внутри программы была разработана система «Панацея», которая должна стабилизировать все процессы внутри Солнца и, если говорить кратко, то ваша задача – доставить «панацею» к солнечной короне.

Джеймс слегка озадаченно нахмурился.

– Почему бы не послать зонды? Каждый мало-мальски рабочий корабль оснащён ими.

– Вся аппаратура, управляемая дистанционно, выходит из строя, едва мы приближаемся к короне. Связь отключается, приборы начинают сбоить. Мы послали двадцать шесть беспилотных аппаратов, и ни один из них не вернулся. А это были, пожалуй, наши лучшие экземпляры. Магнитное поле настолько нестабильно, что перебивает даже работу спутников. Не говоря уже об ужасающей мощности солнечного ветра, с которым не справляется половина кораблей.

Лицо Джеймса, равно как и Амперы, приобрело скептическое выражение. Все современные корабли оснащены солнечными парусами – никто больше не летает на неэкологичном жидком топливе, а ядерные реакторы слишком любят взрываться, чтобы их можно было безопасно использовать – за последние лет тридцать человечество достаточно наигралось в поко-

рителей ядра, чтобы больше не совать свои кривые ручки в работу такой тонкости. А поскольку все земные ресурсы мы почти исчерпали – нефти и газа практически больше нет – то солейл, ядерка и электричество стали нашими вторыми источниками тепла и света.

К тому же для солнечных парусов используют это «солнечное топливо». Вообще, вроде как тоже отечественная разработка, но тут бы скорее подошло определение «находка».

Урал – громадная лаборатория, хребет, сверкающий изнутри прожекторами испытательных станций. Его вскрыли, разломали, точно устрицу, и оставили так, добывая из него, как жемчужины, этот «солейл». Название мне никогда не нравилось, по-дурацки как-то звучит, но дело, как известно, не в названии. Сам по себе солейл – абсолютно бесполезная штукавина. Но, обогащённый радиоактивными элементами, он – помесь эфира с клеточной мембраной, текучий и невесомый, – стал бесценнейшим открытием для всей космонавтики, поскольку солейл являлся не чем иным, как концентрированным геонейтрино. Что-то вроде слепленных друг с другом миллиардами лет частиц, которые, почти как торф или нефть, были идеальным топливом. Разумеется, если вы попытаетесь увидеть солейл своими глазами – у вас ничего не выйдет. Он невидим, летуч и проявляется только при обогащении нестабильными изотопами плутония. И вот тогда это вещество начинает оправдывать своё название – оно мерцает и светится, переливается и журчит, как вода, помещённое в точки Лагранжа лабораторных установок, и довольно забавно бурлит в топливных отсеках. О, как радовались инженеры, когда в расчётах наконец стало возможным пренебрегать массой топлива!

– То есть вы хотите, чтобы мы добрались до солнечной поверхности экипажем из трёх человек и просто...

– Запустили «Панацею», да, – завершил за него доктор Симаков. – Вы правы, это звучит немного безумно, но, как я уже сказал, иного выхода у нас нет. Мы пытались решить проблему без вмешательства человека, но эти попытки не увенчались успехом.

Лицо Джеймса приобрело мрачное выражение. Он обернулся на нас с Амперой, которая, к слову, хранила такое же мрачное молчание.

– Я понимаю свою цель, как пилота, и цель доктора Краузе, но... для чего с нами лететь Ампере? Это рискованная экспедиция. Роль штурмана здесь лучше оставить искину, это внутренняя система корабля, он не связан даже со спутниками, и он может работать сам на себя.

– Поддерживаю мнение Джеймса, – поддакнула я и получила осуждающий взгляд доктора Симакова. – Что? Штурманов у нас много, а Ампера одна. Не понимаю вашу склонность разбрасываться достижениями человеческой науки. Прости, дорогая.

Ампера вскинула ладони, мол, никаких претензий. Доктор Симаков же неловко прочистил горло.

– Я понимаю ваши опасения, но, как я уже сказал – все системы, кроме ручного управления кораблём, отказывают. Вне зависимости от того, замкнуты они сами на себя или нет. Штурман вам понадобится в любом случае. Джеймс и Ампера – сработанная команда, сколько вы уже вместе летаете? Лет десять – и ни одной проваленной миссии за вами нет. К тому же...

– К тому же? – подстегнул Джеймс.

Доктор Симаков замаялся – его сероватый контур расплылся и собрался снова, как будто магниты тоже решили заволноваться вместе с ним. Ну, или просто соединение упало.

– Некоторые из моих коллег считают, что состояние Солнца может быть вызвано... извне, – несколько уклончиво ответил он. На мгновение наши взгляды встретились, но он решительно продолжил: – Солнце – относительно молодая звезда, но ведёт она себя так, словно готовится стать красным гигантом. Что решительно невозможно – водородный запас Солнца предполагает ещё примерно четыре миллиарда лет непрерывной работы, если не учитывать запас образовавшегося гелия. К тому же сигналы, которые мы фиксируем – ритмичны, музыка солнечной сферы как будто нарочно синхронизирована, тактовое возникновение протуберанцев и выброс нейтрино происходят в почти математической гармонии друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.